

Дебора Моггак

Дебора Моггак

ТЮЛЬПАННАЯ ЛИХОРАДКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М74

Deborah Moggach

TULIP FEVER

Перевод с английского *В.Н. Соколова*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения литературных агентств
Curtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC.

Моггак, Дебора.

М74   Тюльпанная лихорадка : [роман] / Дебора Моггак ; [пер. с англ. В. Н. Соколова]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 224 с.

ISBN 978-5-17-079164-4

Голландия, 1630 год.

Страна охвачена страстью к тюльпанам. Красивые цветы вдруг становятся дороже золота. На тюльпанах разоряются и наживают огромные состояния. Чтобы завладеть драгоценными луковицами, жители Амстердама готовы на все — на обман, подлог, воровство и... даже убийство.

Именно на этом всеобщем помешательстве пытается повернуть хитроумную аферу талантливый, но бедный художник Ян ван Лоо, безумно влюбленный в Софию — молодую красивую жену богатого старого купца.

Однако очень скоро события принимают опасный оборот...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Deborah Moggach, 1999

© Перевод. В.Н. Соколов, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-079164-4

И вновь — для Гсабы

Эти люди степенно и спокойно живут на поверхности вещей, а внизу непрерывно движутся их тени... Я бы не удивился, если бы амстердамские каналы до сих пор отражали силуэты жителей прошлого — мужчин в широких камзолах и женщин в белых чепцах. Кажется, что город стоит не на земле, а на собственном отражении, и все эти чинные и солидные улочки возникли из бездонных глубин фантазий и снов...

Карел Чапек. Письма из Голландии, 1933 г.

Разумеется, я хорошо знаком с миром уродства и нищеты, но изображаю лишь нежную кожу, блестящую поверхность и видимость вещей: знатных женщин в шелках и благородных мужчин, облаченных в безупречно черные одежды. Я восхищен тем, как яростно они сражаются за то, чтобы просуществовать хотя бы чуть дольше, чем им предназначено судьбой. Они защищаются с помощью модных вещей, всевозможных аксессуаров и безделушек, кружевных манжет и гофрированных воротничков... В общем, любой мелочи, которая позволяет им протянуть еще немного перед тем, как полностью исчезнуть в темноте.

3. Герберт. Натюрморт с удилами

Наша задача заключается не в решении загадок, а в том, чтобы видеть их, склонять перед ними голову и готовить свое зрение к восприятию безграничной радости и чуда. Если вам непременно нужны новшества, могу с гордостью заявить, что я достиг успехов в сочетании яркого и сочного кобальта с насыщенным лимонно-желтым и, кроме того, в схватывании отблесков южного света, падающего на серую стену сквозь толстое стекло... Позвольте нам следовать этой архаичной процедуре, чтобы даровать миру утешение и поведать о радости обретенной гармонии и вечной жажде неисчерпаемой любви.

Из письма Яна Вермеера

1. София

Видимость не заслуживает доверия.

Якоб Катс. Моральные символы, 1632 г.

Мы с мужем ужинаем за столом. В его бороде застрял зеленый лук. Когда он жует, тонкое перышко поднимается вверх, словно насекомое, застрявшее в траве. Смотрю на это равнодушно: ведь я всего лишь девушка и живу настоящим днем. Я еще не умерла и не воскресла. И не умерла вторично — потому что в глазах общества это будет выглядеть как вторая смерть. В моем конце — мое начало; угорь сворачивается в кольцо и кусает собственный хвост. В моем начале я всегда свежа и юна, а мой муж — старик. Мы поднимаем высокие бокалы и пьем вино. Гравировка на моем бокале нравоучительно гласит: «Людские надежды хрупки как стекло, а жизнь проходит слишком быстро» — и жидкость под ней стремительно убывает.

Корнелис отламывает кусок хлеба, макает его в суп и задумчиво жует.

— Дорогая, я хочу обсудить с тобой один вопрос. — Он вытирает губы салфеткой. — Кто из нас, живя этой скоротечной жизнью, не жаждет обрести бессмертия?

Я сразу понимаю, к чему он клонит. Рассматриваю длинный хлеб, вытянувшийся передо мной на скатерти.

В его запекшейся корочке зияет трещина, похожая на полуоткрытый рот. Мы женаты уже три года, но у нас до сих пор нет ребенка. Не потому, что мы мало стараемся. Мой муж, по крайней мере в этом смысле, полон сил. Каждую ночь он взгромождается на меня сверху, раздвигает мне ноги, и я лежу под ним, словно раздавленный жук. Он страстно хочет получить сына и наследника, который будет ходить по этим мраморным полам и обеспечит будущее нашему прекрасному дому на Геренграхт.

Но пока у меня ничего не получается. Разумеется, я отвечаю на его объятия, как послушная жена, полная почтения и благодарности. Этот мир ненадежен и опасен, а он вытащил меня из его трясины, как мы вырвали нашу страну у моря, осушив землю и перегородив ее плотинами, чтобы она не ушла на дно. За это я его люблю.

— Вот почему я решил прибегнуть к услугам портретиста. Его зовут Ян ван Лоо, он один из самых перспективных художников в Амстердаме: натюрморты, пейзажи, но главным образом портреты. Мне его порекомендовал Хендрик Юленбург, ты его знаешь — он разбирается в таких делах. Рембрандт ван Рейн, недавно прибывший из Лейдена, один из его протеже.

Муж любит просвещать меня. Он часто говорит много ненужного, но сегодня его слова не пролетают мимо моих ушей.

Художник нарисует наш портрет!

— Ему тридцать шесть лет, он ровесник века. — Корнелис допивает бокал и наполняет снова. Его уже пьянит мысль о наших лицах, увековеченных на холсте. От пива его обычно клонит в сон, а вино превращает в патриота. — Представь нас среди этого великолепного города, в величайшей стране мира. — Перед ним сажу только я, но он словно обращается к широкой публике. Щеки горят над его пожелтелой бородой. — Помнишь, как писал об Амстердаме Вондел? «В какие воды не бросал он якоря? И на

каких берегах не водрузил свой флаг? Все видел он, что зримо под луной, морям и землям волю диктовал».

Ответа от меня не требуется: я всего лишь молодая жена, которая мало смыслит в мире за пределами этих стен. Ключи на моем поясе могут отпереть разве что наш бельевой сундук, и все мои открытия еще впереди. По правде говоря, меня больше волнует то, какое платье я надену для своего портрета. Таков мой нынешний кругозор. Забудьте про моря и земли.

Мария приносит блюдо с сельдью и удаляется, посыпая. С залива ползет густой туман, и она постоянно кашляет. Впрочем, на ее настроении это никак не сказывается. Уверена, что у Марии есть любовник: она часто поет в кухне, а однажды я заметила, как она прихорашивается перед зеркалом, поправляя волосы под чепцом. Скоро я все выясню. Мария моя наперсница — настолько, насколько позволяют обстоятельства. С тех пор как я рассталась со своими сестрами, больше у меня никого нет.

Художник приедет на следующей неделе. Мой муж — знаток живописи, поэтому наш дом полон картин. Прямо за его спиной на стене висит полотно «Сюзанна и старцы». Группа стариков разглядывает голую купальщицу. При дневном свете мне видны их жадные лица, но сейчас, при свечах, они в тени: я вижу лишь пухлое женское тело над головой мужа. Он перекладывает кусок рыбы на свою тарелку. Ему нравятся красивые вещи.

Я уже представляю нас на картине. Корнелис сидит в белом кружевном воротнике на черном фоне, его борода покачивается при каждом движении жующих челюстей. Передо мной на тарелке, поблескивая, лежит селедка, и ее кожа с содранными чешуйками обнажает нежную плоть; сухая корочка на хлебе раскрыла губы. На блюде темнеет гроздь винограда, тяжелая и почти прозрачная в свете канделябров; рядом лоснится бок медного кувшина.

Я вижу, как мы неподвижно сидим за обеденным столом: наш застывший миг перед той минутой, когда все изменится.

После ужина муж читает мне Библию. «Всякая плоть — трава, и вся красота ее — как цвет полевой. Засыхает трава, увядает цвет, когда дунет на него дуновение Господа: так и народ — трава».

Но я уже как бы нахожусь на картине и смотрю на нас из золоченой рамы со стены.

2. Мария

Она должна пристально следить за поведением своих слуг: как они выглядят и разговаривают, как общаются друг с другом, как переглядываются и пересмеиваются, какие отношения завязываются между прислугой мужского и женского пола, — ибо пренебрежение подобным и приводит к тому, что в их доме поселяется легкомыслие и даже прямое распутство. А это доставляет чрезвычайный стыд хозяйке.

*Дж. Дод и Р. Кливер. Божественная форма
домашнего правления, 1612 г.*

Служанка Мария, хмельная от любви, надраивала медную сковородку. Ее распирало от плотского желанья; движения были медленными и неуклюжими, словно под водой. Она улыбалась своему искаженному отражению в блестящем диске. Это была сильная и здоровая деревенская девушка с хорошим аппетитом. Такой же крепкой и здоровой была и ее совесть. Пуская Виллема в свою постель — ту, что стояла в глубокой нише за домашним очагом, — она стыдливо задергивала занавеску, чтобы скрыться от Божь-

его гнева. С глаз долой — из сердца вон. В конце концов, они с Виллемом собирались пожениться.

Мария мечтала о семейной жизни. Допустим, хозяин с хозяйкой умерли — утонули в море, — а она и Виллем живут в доме с шестью милыми детишками. Она моет посуду, ожидая возвращения мужа. Когда хозяйка уходила, она закрывала нижнюю часть оконных ставень, чтобы ее не могли увидеть с улицы. Парадные залы погружались в тень, и Мария бродила по ним словно по дну моря. Надевала синий бархатный жакет хозяйки, отороченный меховыми манжетами и воротником, и гуляла по дому, как бы невзначай поглядывая на себя в зеркало. Каждый имеет право по мечтать — что в этом дурного?

Мария стояла на коленях посреди гостиной и натира- ла бело-голубые плитки возле плитусов. На каждой плитке изображалась какая-нибудь детская игра: то с обручем, то с мячиком. Больше всего ей нравился малыш на игрушечной лошадке. Всю комнату обрамляли изображения ее детей. Она осторожно протирала их мягкой тряп- почкой.

С улицы доносились звуки — шаги прохожих, голоса. Мария выросла в деревне, и ее до сих пор удивляла шум- ная суэта Геренграхта, где в укромный мир домашнего уюта всегда вторгался уличный гомон. Громко кричал продавец цветов — тонким писклявым голоском, точно чибис. Па- рень из лудильной мастерской громыхал инструментом, предлагая ремонтировать посуду, словно проповедник, призывающий грешников к покаянию. Какой-то мужчи- на, проходя рядом, отхаркнулся и сплюнул.

А потом она услышала его колокольчик. «Рыба, све- жая рыба!» Виллем немилосердно фальшивил: голос у него был ужасный. «Вобла, лещ, треска, селедка!» Он сно- ва позвонил в колокольчик. Она встrepенулась, словно пастушка, заслышав рожок своего милого в бредущем по дороге стаде.

Мария вскочила, вытерла нос передником, оправила юбки и настезь распахнула дверь. На улице туман — канала почти не видно за брусчаткой. Из утренней мглы вырос Виллем.

— Привет, красотка! — Его лицо расплылось в улыбке.

— Что там у тебя сегодня? — спросила Мария. — Дай-ка посмотреть.

— А чего ты хочешь, малышка?

Он вскинул к бедру свою корзину.

— Как насчет толстого сочного угря?

— Он тебе нравится?

— Ты отлично знаешь, как он мне нравится, — усмехнулась служанка.

— Тушеный с персиками в сладком уксусе?

— Да.

Мария вздохнула. В конце улицы с баржи сгружали тяжелые бочки. Они с грохотом падали на землю.

— Как насчет селедки? — спросил Виллем. — Как насчет поцелуя?

Он переступил через порог и оказался рядом. Бух-бух.

— Эй, потише!

Мария отступила. Мимо проходили люди. Виллем опустил голову. Он был простой парень — долговязый, хмурый, с узким лицом, над такими часто любят потешаться. Марии нравилось, когда его лицо озаряла улыбка. Милый, простодушный паренек, рядом с которым она чувствовала себя воплощением житейской мудрости. Это она-то! Вот до чего он был наивен.

Виллем до сих пор не мог поверить, что Мария любит его.

— Я заходил вчера. Почему ты не открыла дверь?

— Один зеленщик показывал мне свою морковь.

— Издеваешься?

— Я была на рынке. — Она улыбнулась. — Дурачок, я люблю только тебя. Знаешь — я как устрица в своей ракушке. И лишь ты можешь меня открыть.

Мария шагнула назад и впустила Виллема в дом. Он опустил корзину на пол и обнял Марию.

— Ох! Твои пальцы!

Она провела его через прихожую и коридор к лесенке, спускавшейся в кухню. Когда они уперлись в раковину, Виллем ущипнул ее за зад. Мария дернула рычаг. Вода из крана хлынула на его протянутые руки. Виллем стоял смиренный и послушный, как ребенок. Она вытерла его пальцы и понюхала, не пахнут ли рыбой. Виллем прижался к ней всем телом, потом раздвинул коленом ее ноги — она чуть не застонала — и поцеловал.

— У нас мало времени, — прошептала Мария. — Хозяйка дома.

Она увлекла его за собой, на кровать в глубокой нише. Они споткнулись о деревянный порожек и, смеясь, повалились на матрац. Как же здесь было тепло — самая теплая кровать на свете! Когда они займут весь дом, то все равно будут спать только тут — в их уютном гнездышке, в сердцевине ее мира.

Виллем шептал ей на ухо нежные слова. Мария щекотала его. Он вскрикнул. Она на него шикнула. Затем взяла его руку и положила себе между ног: нет времени на пустяки. Оба елозили и хихикали, точно дети: они выросли в деревне и привыкли спать вповалку вместе с братьями и сестрами.

Далеко у входной двери послышался глухой стук. Мария мгновенно выпрямилась, оттолкнула Виллема и выскочила из постели. Через минуту, красная и запыхавшаяся, отворила дверь. В проеме стоял мужчина. Невысокий, смуглый, голубоглазый, с темными вьющимися волосами, в бархатном берете.

— Мне назначена аудиенция, — сказал он. — Я пришел писать портрет.